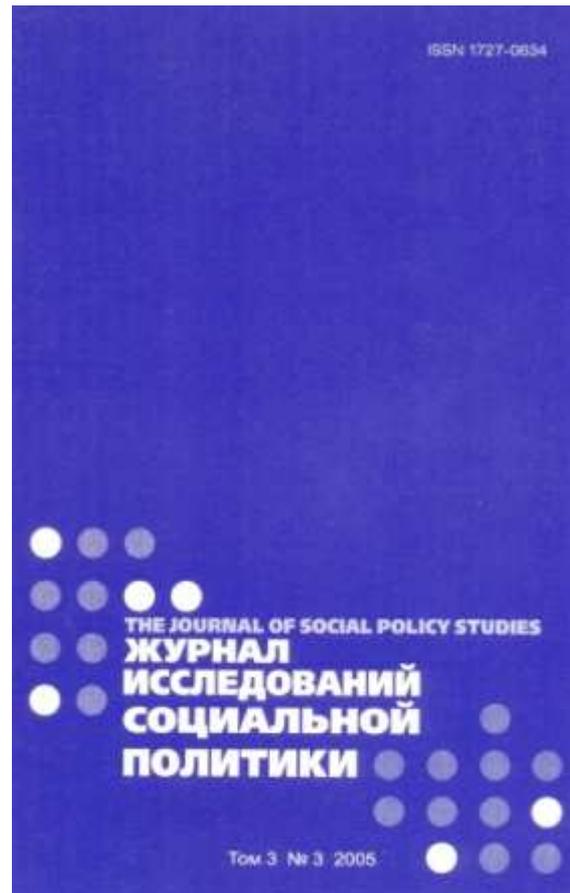

Тысячнюк М.С., Кулясова А.А., Пчелкина С.С. Роль международных общественных организаций в формировании новой социально-экологической политики // Исследования социальной политики. 2005. т. 3. № 3. с. 305-326.

Maria Tysiatchnyk, Antonina Kulasova, Svetlana Pchiolkina

The Role of International Non-Governmental Organizations in the Formation of a New Social Environmental Policy

Summary

The article is focused on the influence of international environmental NGO on the social-environmental policy in Russia. The authors analyzed FSC certification influence on local forest communities and social policy actors network. Three case studies illustrate how the global FSC certification process is localized in social-economic context of forest communities and answer the question if the local actors could revised, their role in forest management.

Ключевые слова: промышленные предприятия, экологическая модернизация

Тысячнюк М.С., Кулясова А.А., Пчелкина С.С.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье проанализировано влияние международных экологических организаций на социально-экологическую политику в России. Это сделано на примере анализа влияния международной системы добровольной лесной сертификации на местное сообщество лесных поселков. В статье рассматриваются три примера лесной сертификации, анализируется местный социально-экономический контекст, а также широкая сеть социальных акторов, влияющих на жизнь и социально-экологическую политику в поселке. Авторами выявлено, насколько под влиянием глобальных процессов местные акторы способны пересмотреть свое место и роль в управлении лесами*.

Глобализация в асимметричном мире приносит разным странам неоднозначные последствия. Социальная политика такова, что одни социальные группы выигрывают, другие проигрывают. Страны, богатые природными ресурсами (нефтью, газом, лесом и т. д.), зачастую превращаются в сырьевых поставщиков. При этом в конкретных местных условиях происходит переэксплуатация не только природных ресурсов, но и рабочей силы, что имеет в конечном итоге отрицательное влияние на местные сообщества. Для того чтобы противостоять глобальным стратегиям международных финансово-промышленных корпораций, третий сектор формирует специализированные международные сети общественных движений. В последнее время набирает силу движение антиглобалистов, рабочее движение, экологическое движение [O'Rourke, Macey, 2003].

Сети третьего сектора, состоящие из негосударственных организаций (НГО), вырабатывают новые этические кодексы, свою социальную и экологическую политику, а также механизмы ее реализации, которые стремятся

распространить по всему миру [Meidinger, 2003a; Meidinger, 2003b; Cashor, Auld, Newson, 2004].

Эти авторы называют новые международные правила «мировым законодательством третьего сектора». Их задача – предотвратить социальную и экологическую переэксплуатацию. Одним из таких механизмов, развиваемых международными экологическими НГО (МЭНГО), является добровольная лесная сертификация. Ее влияние изучалось во многих странах мира [Cashor, 2002]. В России подобные исследования только начались [Тысячнюк, 2003a; Тысячнюк, 2003b; Кулясов, 2004; Кулясова, Пчелкина, 2004]. Данная статья является первой в своем роде попыткой обобщения результатов коллективных исследований. В ней мы проанализируем то, как сертификация лесных предприятий влияет на социальные процессы в местных сообществах.

В настоящее время в России реально действует сертификация по системе FSC (Forest Stewardship Council – Лесной Попечительский Совет). FSC является международной негосударственной некоммерческой организацией, образованной в 1993 году по инициативе WWF (World Wildlife Fund – Всемирный Фонд Дикой Природы). В настоящее время FSC включает более 130 членов из 30 стран мира. FSC разработала международные стандарты и принципы устойчивого лесопользования.

Национальные группы по сертификации в разных странах вырабатывают стандарты и адаптируют общие принципы FSC для своей страны с учетом национальных законов. Такая группа есть и в России, стандарты для России разработаны, но еще не утверждены FSC. В России сертификация развивается в лесных регионах: на северо-западе (Псковской, Новгородской, Архангельской, Вологодской областях, Республике Коми), в Сибири и на Дальнем Востоке. На октябрь 2004 года в России отмечено 11 случаев сертификации, более 15 компаний работали над получением предприятиями сертификата FSC. Наиболее активно процесс сертификации проходит в Архангельской области.

Сертификация, помимо совершенствования системы управления лесным сектором, требует серьезных изменений экологического, экономического и социального подходов к развитию лесных территорий. Стандарты FSC предусматривают экологически щадящие технологии лесозаготовки, обязательное лесовосстановление после рубок, социальные гарантии для работников, соблюдение прав местных сообществ и участие общественности в принятии решений, затрагивающих ее интересы. Десять глобальных принципов FSC были поддержаны ведущими экспортёрами и потребителями лесоматериалов и стали де-факто международным стандартом «правильного» управления лесами. В результате сертификации предприятия получают имидж «экологически ответственного предприятия» на международных рынках, устойчивость и выигрывают в прибыли от продаж продукции.

Правовая основа общественного участия, формы и направления работы с общественностью заложены в национальных стандартах и сформулированы в двух принципах FSC. В соответствии с первым местные сообщества, имеющие юридические или традиционные права на владение или пользование ресурсами, должны контролировать лесохозяйственную деятельность на своей территории,

чтобы защитить свои права. Исключение допускается в том случае, когда право контроля добровольно и осознанно передано другим организациям.

В соответствии со вторым принципом лесохозяйственная деятельность сертифицированного предприятия должна обеспечивать социально-экономическое благополучие работников и местного населения. Этот принцип определяет и регулирует отношения между предприятием и местным сообществом, которое предоставляет предприятию трудовые ресурсы. Например, местному населению, живущему в пределах или вблизи территорий, включенных в лесохозяйственную деятельность, должна быть предоставлена возможность получения работы, обучения и другие услуги в соответствии с разработанной предприятием социальной политикой.

Природопользование местного сообщества регулируется законодательством, социальной политикой региональных и местных властей, а также саморегулируется в зависимости от вида и количества природных ресурсов, сложившихся традиций. В случаях сертификации по системе FSC предполагается регулирование природопользования с помощью межсекторального договора и выработанного на его основе плана развития [Романюк, Чернова, 2001; Семьяшкина, Логинов, Осипова, 2002].

В данной статье мы проанализируем влияние сертификации на жизнь в лесных поселках, расположенных на северо-западе России. В качестве примера выбрано три таких поселка. Примеры различаются по вовлеченности в процесс сертификации МЭНГО государственных структур, структур бизнеса и местной общественности. Также различаются структуры действующих в поселках лесных компаний и основные акторы лесной сертификации.

В статье мы рассмотрим не только результаты влияния сертификации на предприятия, но и то, какой сценарий развития приводит к наиболее выгодным для местного сообщества последствиям. Для этого мы проанализируем местный контекст и более широкую сеть социальных акторов, влияющих на жизнь и социальную политику в поселке. Мы выявим, насколько местные акторы способны пересмотреть свое место и свою роль в управлении лесами. Отметим при этом, что мы не склонны преувеличивать роль местных сообществ и видеть в них носителей «третьего пути» развития общества, как это делают многие западные социальные исследователи [Platteau, Abraham, 2002]. Некоторую концептуальную рамку нашей статье задает теория «социальных представлений» (social imaginaries), озвученная в свое время Корнелиусом Касториадисом [Castoriadis, 1987].

Сети и акторы продвижения лесной сертификации – уровни влияния

В России сертификация по системе FSC продвигается благодаря усилиям МЭНГО. Их задача институционализировать практику устойчивого лесопользования путем экспорта в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой технологий, отработанных на Западе. Эта задача выполняется МЭНГО на международном, национально-региональном и местном уровнях. Динамика этого процесса обусловлена тем, что в последнее десятилетие Россия заняла значительное место в глобальной системе лесообеспечения. Громадные лесные ресурсы, наряду с возможностью иметь

быстрые и высокие прибыли от экспорта леса, привели к увеличению рубок на экономически эффективных участках и стремительными темпами развили российский лесной бизнес, особенно лесорубные компании. При этом практика лесопользования в России традиционно ориентирована на экстенсивные методы и далека от устойчивого и сбалансированного природопользования. Международные экологические НГО стараются воздействовать на эту ситуацию путем продвижения идей устойчивого лесопользования через сертификацию.

Наибольшее внимание продвижению сертификации в России уделяют такие международные организации, как WWF, Гринпис и Центр охраны дикой природы. Для этого они, во-первых, создают межсекторные сети на международном, национальном и местном уровнях. Например, WWF вступил в партнерство с международной корпорацией IKEA и Всемирным банком. Подобные партнерства выгодны обеим сторонам. В результате заключения альянса с IKEA и Всемирным банком WWF получил возможность использовать мощные финансовые, корпоративные и организационные ресурсы партнеров. А IKEA и Всемирный банк, благодаря сотрудничеству с WWF, повысили свой экологический имидж и, следовательно, стали меньше подвергаться атакам радикалов из экологического и антиглобалистского движений.

Во-вторых, международные экологические организации используют глобальные рынки для давления на российских экспортеров. В настоящее время западные потребители являются «экологически чувствительными». Это произошло под влиянием МЭНГО, которые инициируют на Западе общественные протестные кампании, и таким образом конструируют «социальные представления». Благодаря бойкотам потребителей и громким акциям прямого действия Гринпис повышает издержки компаний, которые вырубают старовозрастные (девственные) леса. WWF, используя практику построения межсекторного партнерства, продвигает на рынки продукцию тех компаний, которые стараются экологизировать свои практики, тем самым снижая их издержки.

Результатом деятельности WWF и Гринпис стало появление социально-экологических политики и практик у многих российских лесных компаний. Эта политика и практики ориентируются на международные стандарты, и компании, таким образом, локализуют глобальный процесс лесной сертификации. Кроме того, МЭНГО связывают свои инициативы с благополучием местного населения, поскольку экологизация приведет к улучшению и устойчивости окружающей среды.

Такие организации, как WWF и Гринпис имеют офисы-отделения в России, которые поддерживаются через международные сетевые каналы. Эти структуры, имея хорошее финансовое обеспечение, смогли привлечь к работе квалифицированные кадры из числа российской интеллигенции, людей известных в своих областях деятельности. В результате этого процесса появились новые демократические институты – российские организационные структуры FSC. К ним относятся Российская национальная рабочая группа по добровольной лесной сертификации и две региональные рабочие группы в Сыктывкаре и Красноярске.

В этих НГО впервые в российской практике был организован реальный диалог между представителями экономической, социальной и экологической сторон. Они занимались, с одной стороны, адаптацией международных принципов, критериев и индикаторов FSC к российским условиям, в том числе, к российскому законодательству, с другой стороны, инициировали изменение российского лесного и социального законодательства в виде разработанных ими законопроектов и подзаконных актов, принятых на национальном и региональном уровнях, что отразилось на социальных процессах местного уровня.

Изучение местного уровня крайне важно для нашего анализа, так как процесс рубок происходит в конкретной местности и затрагивает интересы конкретных местных сообществ. Выделено три группы местных акторов. Первая – это лесорубные предприятия, образовавшиеся на месте леспромхозов, которые задействованы во внедрении сертификации и подвергаются ее влиянию. От деятельности этих предприятий во многом зависит жизнь людей в лесных поселках. Вторая группа – лесхозы, которые регулируют лесные отношения на местном уровне, занимаясь контролем лесопользования, лесоохраной деятельностью и лесовосстановлением. Третья группа – это различные местные общественные формирования, инициативные группы граждан. Последние, как правило, не действуют самостоятельно, а вовлекаются в процесс акторами другого уровня – МЭНГО.

В России МЭНГО воплощают глобальные представления о достойном уровне жизни и благосостоянии в местных сообществах. Сертификация FSC является инструментом для воплощения таких стандартов и ожиданий, так как в ней соединены экологические и социальные требования. От местного сообщества зависит состояние окружающей среды, и от окружающей среды зависит благосостояние местного сообщества. Бизнес и власть своей социальной политикой могут способствовать или препятствовать их взаимному улучшению.

Кроме того, МЭНГО понимают, что только укрепление прав местных сообществ и развитие гражданской активности, а также повышение благосостояния населения могут помочь улучшению окружающей среды, поскольку активные местные сообщества, имеющие нормальный уровень благосостояния, будут заинтересованы в сохранении окружающей природной среды, контроле за местными природными ресурсами и участии в управлении ими.

Местное сообщество – что это значит?

В западной литературе, в отличие от российской, термин «местные сообщества» давно и широко используется, хотя имеет различные смысловые оттенки. В нашей статье мы используем этот термин для обозначения людей, взаимодействующих между собой в рамках конкретной географической локальности. Таким образом, мы пользуемся понятием местного сообщества, выдвинутым в рамках концепции «полевого взаимодействия» (field interaction) Роланда Уоррена [Warren, 1978. P. 417-418]. Этот автор понимал полевое взаимодействие как взаимодействие людей в населенном пункте или в части населенного пункта. Это взаимодействие возникает автоматически просто

потому, что люди живут рядом. Уоррен выдвинул эту концепцию в своих поздних работах взамен концепции «конкретной коллективности» (concrete collectivity), которой он придерживался при анализе местных сообществ ранее. «Конкретная коллективность» понималась им как взаимодействие, возникающее в сообществе на основе общих ценностей.

Работы Уоррена и других исследователей местных сообществ [Wilkinson, 1991; Bridger, Luloff, Krannich, 2002] говорят о снижении автономии местных сообществ. Они связывают это с усилением национальных и международных институтов, в том числе с вовлечением местных сообществ в международные сети транснациональных корпораций и третьего сектора. Кроме того, в этих же исследованиях подчеркивается, что в сравнимых сообществах качество жизни может существенно различаться. При анализе конкретных частных случаев мы попытаемся выяснить, стимулирует ли сертификация это различие.

Последние два десятилетия XX века западные исследователи местных сообществ назвали временем больших перемен [Bridger, Luloff, Krannich, 2002]. В этот период значимость местных сообществ для людей снизилась, поскольку их социальное взаимодействие рассредоточилось, вышло за рамки сообщества, оказалось направленным вне сообщества. Например, люди стали жить в одном сообществе, работать в другом, проводить свободное время в третьем и т. д., то есть сообщество осталось пространственной единицей (местом), лишившись большей части своего разнообразного социального взаимодействия. Однако в последнее время происходит и обратный процесс, связанный с возрождением местных сообществ.

По нашему мнению, процессы в российских местных сообществах (небольших городах, поселках, деревнях) существенно отличаются от упомянутой выше схемы. С одной стороны, в СССР существовал институт прописки и жесткого прикрепления человека к месту жительства, особенно в сельской местности, где до 1960-х годов людям не выдавали паспортов, чтобы они не могли уехать. Миграционная мобильность при этом была затруднена и поощрялась только в случаях, организованных государством (стройки века: строительство новых городов и производственных объектов, призыв в армию).

С другой стороны, в Советский период местные сообщества были достаточно открыты и не имели той автономии, о которой говорилось выше. То есть физически люди действительно проживали большую часть своей социальной жизни в местных сообществах, но при этом они чувствовали себя частью советского народа, символическая граница между сообществами не проводилась. Общая политика Советского о государства, направленная на унификацию культуры, приводила к формированию сознания советского человека -жителя СССР, а не жителя местного сообщества. Кроме того, с 1960-х годов и до начала 1990-х распространенной практикой жителей небольших населенных пунктов было проведение отпуска вне сообщества, например на юге или в столице, а также поездки за покупками в более крупные населенные пункты, что было связано с дефицитом потребительских товаров.

В период перестройки произошел процесс вынужденной локализации местных сообществ. В это время по всей стране разрывались уже установившиеся социально-экономические связи. Это сказалось и на местных

сообществах, где люди стали менее мобильны, в первую очередь по экономическим причинам, Это привело к усилению взаимодействия внутри сообщества, так как люди стали активнее использовать местные социальные, экономические и природные ресурсы.

В настоящее время многие сообщества, в том числе поселки и деревни, ставшие предметом исследования, достаточно автономны. Однако эта автономия со знаком минус. Люди в этих сообществах чувствуют себя заброшенными, пространственно и ментально, отделенными от «большого мира» и разделенными между собой экономическими границами. В этих условиях роль местной инициативы как социального ресурса значительно повышается, и ее использование было бы логичным. Однако на практике это происходит крайне редко.

В наших случаях лесная сертификация становится тем социальным инструментом, с помощью которого международные рыночные отношения проникают в местные сообщества и инициируют в них социальные изменения. Трудно дать прогноз развитию событий, но наши данные подтверждают, что обозначенный глобальный процесс важен для изменения гражданского взаимодействия внутри сообщества и вовлечения жителей в принятие решений по управлению лесами. Кроме того, благодаря сертификации жители локальных сообществ включаются в международные социально-экологические сети третьего сектора и при необходимости могут использовать глобальные ресурсы солидарности [Warner, 1996; O'Rourke, 2003].

Попытка создать в сельской местности такое «гражданское общество», которое могло бы влиять на принятие решений по лесным вопросам, является новой для России. Она осуществляется через активизацию в местных сообществах дискуссии об их возможностях влияния на использование местных природных ресурсов, на социальную политику предприятий и местных властей [Рапинович, 2001]. Создание местного «гражданского общества» означало бы формирование местного сообщества в смысле «конкретной коллективности», где взаимодействие строится на основе общих ценностей и коллективных действий.

До FSC подобные попытки не осуществлялись, поэтому можно утверждать, что возникает новый культурный феномен. Известно, что местные сообщества могут воспроизводить только те социальные действия, которые хорошо понятны и объяснимы для жителей этого сообщества. В России лесная сертификация приносит в местное сообщество новую, более демократическую систему взаимодействия, основанную на гражданской культуре. Таким образом, в сообществе еще не сложилось общепринятых представлений или интерпретаций данного культурного феномена.

Участвующее наблюдение выявило, что в местных сообществах слишком много консерватизма, проявляющегося в отношении новых культурных феноменов. Поэтому при анализе изменений, происходящих в местном сообществе, мы обратились к теории «социальных представлений» Касториадиса, развитой другими авторами [Castoriadis, 1987; Gaonkar, 2002; Taylor, 2004]. Основная идея этой концепции состоит в том, что «социальные представления» являются ключевыми в формировании настоящих и будущих

практик сообществ. В нашем случае «социальные представления» влияют на повседневные практики в местных сообществах. Понятие «социальные представления» мы будем применять для интерпретации данных наших исследований.

«Социальные представления» меняются под воздействием социальных изменений. В процессе столкновения старого и нового формируются новые представления и практики. Процесс внедрения новых «социальных представлений» мы наблюдаем при продвижении лесной сертификации. При этом в местные сообщества вносятся такие новые понятия, как «старовозрастные (девственные) леса», «леса высокой природоохранной ценности», «экологическая ответственность», «общественное участие в принятии решений», «устойчивое лесопользование и лесопользование». Эти понятия требуют возникновения общего понимания и общих интерпретаций на уровне местного сообщества. Если эти понятия входят в повседневные разговоры людей, а затем успешно претворяются в практики, то происходит изменение социальных интерпретаций и представлений.

Ниже мы опишем три примера лесных поселков. Мы выстроили описание примеров следующим образом. Сначала будет дан пример низкой социальной активности предприятия, затем будет описан пример социально активного предприятия, но не имеющего активного сотрудничества с местным сообществом, и, наконец, третье предприятие дает пример не только высокой социальной активности, но и активного сотрудничества с местным сообществом.

Кроме того, эти случаи выстроены в порядке возрастания активности сотрудничества предприятий и местного сообщества с международными и региональными НГО, то есть в порядке возрастания внимания таких НГО к сертифицируемому (сертифицированному) предприятию и их участия в местных социальных изменениях. На этих примерах конкретных поселков и предприятий будет показано, как продвигаемый МЭНГО процесс сертификации осуществляет реконцептуализацию общественного блага.

Поселок Двинской

Поселок Двинской Холмогорского района Архангельской области расположен примерно в 300 километрах от Архангельска, насчитывает до тысячи человек. Поселок труднодоступен. Он находится на правом берегу реки Северной Двины, где несколько лет назад была построена 30-километровая грунтовая дорога, соединяющая с другими правобережными небольшими поселками лесорубов и деревнями. Поселок Двинской появился в 1950-е годы, поскольку в этом месте было решено организовать лесное предприятие «Двинской ЛПХ». Туда переселились жители соседних деревень. Приезжих издалека практически не было, видимо вследствие удаленности леспромпхоза от дорог и относительно небольшой численности работающих. Люди в леспромпхозе получили в поселке новые квартиры в одноэтажных и двухэтажных многоквартирных домах. В Советский период «Двинской ЛПХ» был небольшим предприятием.

Несмотря на то, что и в Советский период жизнь в поселке была достаточно тяжелой, местные жители вспоминают это время с ностальгией. Они отмечают, что тогда всегда была работа, и работники получали хорошую зарплату. Кроме того, «Двинской ЛПХ» поддерживал всю местную инфраструктуру: котельную, больницу и медпункт, школу, детский сад, Дом культуры, библиотеку и др. В настоящее время большинство социальных объектов передано в ведение поселковой и районной администрации. На балансе предприятия сохранились магазин, пекарня, баня, паромная переправа, пожарная часть.

Магазин леспромхоза играет важную роль для работников предприятия, так как в условиях многомесячных задержек зарплаты работники и их ближайшие родственники могут получать продукты в счет зарплаты. При этом аванс выдается наличными деньгами всем работникам поровну. Такая финансовая политика предприятия позволяла балансировать между необходимостью материального стимулирования работника и удовлетворением минимальных потребностей его семьи.

В 1992 году немецкая компания «Holz Dammers Moers GmbH» (HDM) организовала в Архангельске свое деревообрабатывающее предприятие ООО «Даммерс». Она производит деревянные клееные щиты и пиломатериалы. В Архангельской области «Даммерс» относится к среднему лесному бизнесу. После 1992 года HDM решила стать собственником лесозаготовительных предприятий. В дальнейшем руководство компании приобрело контрольный пакет акций ОАО «Двинской ЛПХ» и ОАО «Бобровский рейд». С этого времени «Даммерс» из предприятия превращается в компанию, которая значительно определяет экономическое, социальное и экологическое развитие поселка Двинского, так как становится хозяином поселкообразующего предприятия «Двинской ЛПХ».

В 1999 году «Даммерс» решила сертифицировать «Двинской ЛПХ» по системе FSC. Это было вызвано поставками большей части их продукции в Германию, рынки которой отличаются высокой экологической чувствительностью. В 2000 году по договору с швейцарской аудиторской компанией ИМО была проведена сертификация лесопользования и цепи поставок сырья из сертифицированных лесов «Двинским ЛПХ» на «Даммерс». В этом же году было подписано соглашение с Гринпис о моратории на рубки в старовозрастных лесах, арендованных «Двинским ЛПХ» у Емецкого лесхоза.

При этом предприятие взяло на себя обязательства по выполнению требований, определенных FSC, – экономических, социальных и экологических. В 2002 году действие сертификата для «Двинского ЛПХ» было приостановлено после очередного ежегодного аудита из-за несвоевременной выплаты зарплаты работникам, нарушения договора о рубках с арендодателем и экологических нарушений. Однако летом 2003 года сертификат был возобновлен, так как экологические требования стали соблюдаться, лесопользование было приведено в соответствие с лесным законодательством, задолженность по зарплате была частично погашена.

Когда предприятие приступило к сертификации, местные жители и работники об этом практически ничего не знали. Информирование проводилось,

в основном, через Интернет-сайт «Даммерс» и информационные щиты, рассказывающие о сертификации, вывешенные в Архангельске у проходной «Даммерс» и в конторе «Двинского ЛПХ» в поселке Двинском. Никаких общественных слушаний планов социально-экономического и экологического развития, подписания межсекторального соглашения, общих собраний или собраний трудового коллектива при подготовке к сертификации и сразу после получения сертификата не проводилось. О проводимых мероприятиях хорошо знало только руководство «Даммерс» и «Двинского ЛПХ».

Лишь позже, когда в 2002 году сертификат «Двинского ЛПХ» был приостановлен и НДМ необходимо было его возобновить, стали проводиться активные мероприятия по информированию. У рабочих стали формировать новые представления об экологических требованиях к их работе. Мастерам было указано проводить строгий надзор за соблюдением правил лесопользования. Рабочим было объяснено, что такое ключевые биотопы, которые рубить нельзя, и сколько метров должны быть погрузочные площадки и лесосеки. К ним применялись взыскания за разлив горюче-смазочных материалов в лесу, мусор на делянках. Кроме того, в 2002 году был освоен метод несплошных рубок.

Все эти меры, а также меры по повышению трудовой и хозяйственной дисциплины (в 2002-2003 годах на территорию поселка Двинской было приглашено подразделение ОМОН, которое несло охрану на предприятии и на лесовозных дорогах) привели к тому, что работники хорошо запомнили, что такое сертификация. Во время проведения нашего исследования уже каждый рабочий в лесу мог объяснить нам экологические требования и соблюдаемые при сертификации технологии. Вместе с тем как рабочие, так и среднее управленческое звено предприятия практически не участвовали в выработке экономической, социальной и экологической политики предприятия, не знали о социальных требованиях и своих правах в связи с сертификацией, не понимали, что такое процедура общественного участия.

Тем не менее работники предприятия и местные жители хотели бы участвовать в принятии решений, связанных с социальной политикой предприятия. Они недовольны сокращением помощи предприятия местным социальным объектам, а главное – отношением к работникам предприятия и ведением лесного хозяйства. Работники и местное сообщество считают компанию «Даммерс» «чужой», «немцем», желающим выжать все возможное из предприятия. При этом руководство «Даммерс» организовало в поселке свою лесорубную бригаду, перекупая у предприятия оставшуюся производственную базу, «переманивая» наиболее ценных для себя сотрудников и рабочих.

На «Двинском ЛПХ» существует профсоюз, который активно борется за права рабочих. По его инициативе было организовано несколько забастовок в связи с невыплатой заработной платы. В 2003 году истек срок коллективного договора «Двинского ЛПХ» с «Даммерс», в течение более полугода профсоюз боролся за принятие нового коллективного договора, закрепляющего определенный уровень трудовых отношений, улучшение положения рабочих. Руководство «Даммерс» хотели внести существенные, выгодные ей, изменения. Лидер профсоюза и другие активные работники предприятия хотели бы

использовать сертификацию как механизм давления на компанию в борьбе за свои права, осознавая возможность международной солидарности.

В интервью лидер профсоюзов говорил: *«Нам остается только обратиться к немецким профсоюзам, чтобы они надавили на "Даммерс" у себя в Германии»*. Однако работники не знают механизмов такого давления и тех инстанций, куда бы можно было обратиться с жалобой на невыполнение «Даммерс» своих обязательств, связанных с новой технологией. Работники «Двинского ЛПХ» выразили свое разочарование, что сертификация не принесла сообществу экономических и социальных выгод, как это написано в ее документах.

Работники считают, что виновата в невыполнении принятых решений компания «Даммерс». Руководство «Даммерс» считает, что виноваты сами работники, среди которых, по мнению компании, распространена круговая порука воровству, пьянству и другим трудовым нарушениям. Коллектив «Двинского ЛПХ» без уверенности смотрит в будущее. Здесь считают, что предприятие ждет банкротство или смена хозяина.

Поселок Малошуйка

Поселок Малошуйка находится в Онежском районе Архангельской области. Расположен почти на побережье Белого моря, насчитывает более двух тысяч человек. Поселок делился на два микрорайона – «поселок железнодорожников» и «поселок лесников», вся инфраструктура в которых принадлежала соответствующим предприятиям и обслуживалась ими. Он возник в 1943 году в связи со строительством ветки железной дороги, соединяющей Архангельск и Мурманск. Железную дорогу строили преимущественно заключенные, они же занимались заготовкой леса. В 1950-е годы, после закрытия исправительно-трудовых лагерей, образовался «Малошуйский ЛПХ». Железная дорога служит единственным средством сообщения поселка с внешним миром, так как автомобильных дорог нет.

В 1970-80-е годы в «Малошуйский ЛПХ» на работу приезжало много молодежи. Здесь занимались не только заготовкой, но и переработкой леса: производством пиломатериалов, столярных изделий, товаров ширпотреба. Уровень заработной платы был достаточно высок. «Малошуйский ЛПХ» строил деревянные одноэтажные дома на одну-две семьи и предоставлял жилье своим работникам. На балансе находились котельная, школа, детский сад, амбулатория и другие социальные объекты. Жизнь в «поселке лесников» в те годы респонденты вспоминали с ностальгией, считали, что она была очень хорошей.

До начала 1990-х годов поселкообразующие функции были примерно поровну распределены между предприятием железной дороги и «Малошуйским ЛПХ». Количество рабочих мест в них было примерно одинаковым. Наличие второго крупного предприятия смягчило для жителей поселка Малошуйка кризис середины 1990-х годов. Когда «Малошуйский ЛПХ» начал приближаться к банкротству, то часть его работников перешла работать на железную дорогу.

В 1997 году, когда еще формально продолжал работу «Малошуйский ЛПХ», было организовано ОАО «Малошуйкалес», которое стало его правопреемником после банкротства, то есть к «Малошуйкалес» перешла производственная площадка и арендные площади. Формально «Малошуйкалес» – независимое предприятие, но фактически оно является подразделением ОАО «Онежского ЛДК», который, в свою очередь, принадлежит концерну «Орими», входящему в международные бизнес-сети. «Онежский ЛДК» имеет контрольный пакет акций «Малошуйкалес» и покупает у него всю срубленную древесину, которая поступает затем на международный рынок уже в виде пиломатериалов. Соответственно, «Онежский ЛДК» определяет всю экономическую, социальную и экологическую политику на «Малошуйкалес».

Идея прохождения лесной сертификации возникла в 1999 году и принадлежит представителю концерна «Орими», который в течение нескольких лет исполнял роль генерального директора «Онежского ЛДК». Предсертификационный анализ и разработка плана мероприятий были проведены Архангельским центром по добровольной лесной сертификации, который, по сути, подготовил предприятие к сертификации и помог составить экономическую, социальную и экологическую программы до 2052 года, которые отвечали бы требованиям FSC и были направлены на местное сообщество.

Собственно аудит был проведен немецкой компанией «GFA TERRA Systems GmbH». Руководство «Малошуйкалес» считает «аудиторами» не только представителей GFA, но и представителей Архангельского центра по добровольной лесной сертификации, которые стали реальным проводником политики сертификации на региональном уровне.

Основной причиной проведения сертификации является стремление руководства «Онежского ЛДК» повысить доход от экспорта и получить позитивный «экологический» имидж для повышения стабильности предприятия. По словам директора по экологии «Онежского ЛДК», предметом гордости руководства является тот факт, что аналогичное соседнее предприятие, «Соломбальский ЛДК», уже дважды получало уведомление от своих покупателей из Европы, что с 2005 года те будут приобретать только сертифицированную древесину. Поэтому «Соломбальский ЛДК» еще только начал готовить свои подразделения к сертификации, а «Онежский ЛДК» его опередил: *«Мы приняли превентивные меры, и стали одним из первых предприятий лесного сектора Архангельской области, который занялся сертификацией своей лесосырьевой базы».*

Еще с 1999 года «Онежский ЛДК» стал инвестировать «Малошуйкалес» в приобретении новой техники и оборудования. Буквально перед прохождением аудита было закуплено несколько единиц форвардеров и харвестеров – принципиально новой лесозаготовительной техники, при работе с которой рабочий является уже не лесорубом, а оператором машины. Хозяева «Онежского ЛДК» старались модернизировать, в первую очередь, сертифицируемое предприятие.

Основная выгода, которую получил «Онежский ЛДК» на сегодня, – это имидж «экологически ответственного лесопользователя». Это отражено в

экологическом рейтинге предприятий лесного комплекса России, проведенном агентством «Эксперт РА» при активном участии WWF. «Онежский ЛДК» получил в этом рейтинге высшую оценку. Экономическая, социальная и экологическая деятельность предприятия стала развиваться по программе развития, принятой до 2052 года. Таким образом, было проведено долгосрочное стратегическое планирование. Эта программа предусматривает переход на новые технологии, устойчивое лесопользование в пределах собственной сырьевой базы, организацию мелких производств для переработки недревесных ресурсов леса.

В связи с сертификацией изменилось отношение к экологическим вопросам и к вопросам рубок как у руководства «Малошуйкалес», так и у руководства «Онежского ЛДК». Экологические вопросы стали учитываться наряду с экономическими и социальными, в дискурс руководства вошло новое понятие «старовозрастные (девственные) леса», предприятия начали сотрудничать с МЭН-ГО и учеными из Северного НИИ лесного хозяйства. Таким образом, новые «социальные представления» отразились на практиках предприятия.

Руководство «Малошуйкалес» сохранило «Советский», то есть в значительной степени патерналистский, взгляд на ответственность предприятия перед местным сообществом. Социальная программа сертификации во многом совпадает с этими представлениями. «Малошуйкалес» снабжает дровами своих работников и пенсионеров, содержит котельную, обеспечивает горючим дизельные электроподстанции для деревень, где расположены лесопункты. Кроме того, предприятие финансирует строительство постоянной линии электропередачи в эти деревни и планирует строительство водозабора в поселке лесников. В данном случае социальная направленность сертификации, представления руководства предприятия и нужды местного сообщества совпали. Однако, с другой стороны, патерналистские ожидания местных жителей приводят к тому, что любая активность «Малошуйкалес» в социальной области пока кажется им недостаточной, так как она все равно не достигает уровня жизни в Советский период.

Основной социально-экономической выгодой сертификации стала стабильная выплата зарплаты. Директор считает, что *«сертификация защищает предприятие от хозяев лучше, чем профсоюз или российское трудовое законодательство»*. Это обусловлено тем, что несоблюдение трудового законодательства является почти нормой в современной России, но в случае сертифицированного предприятия может *«вызвать международный резонанс»*, что грозит потерей сертификата и, в результате, утратой имиджа и снижением дохода.

Общественной активности, общественного участия в управлении в поселке практически нет. Местное самоуправление отсутствует. Даже создание профсоюза было инициировано руководством «Малошуйкалес», так как таково требование сертификации. Единственная действующая в поселке негосударственная организация – это «Совет ветеранов». Такие социальные структуры, как библиотеки, клубы, школы обычно в небольших городах и поселках объединяют вокруг себя общественность и являются проводниками

социальной политики администраций различного уровня. Но, являясь самыми «низовыми» организациями, получают от них ресурсов намного меньше, чем необходимо для нормального благосостояния. К тому же сильно влияет стереотип, сложившийся в Советский период, что в лесном поселке именно лесное предприятие должно обеспечивать и развивать практически всю социальную сферу.

В данном случае инициатива сертификации принадлежит бизнесу. Тем не менее «Малошуйкалес» и «Онежский ЛДК» прикладывают определенные усилия для развития общественной активности, главным образом, в области охраны окружающей среды, поскольку таково одно из требований сертификации. Кроме уже упомянутого профсоюза, было инициировано создание школьного лесничества и детского экологического кружка. На «Онежском ЛДК» регулярно проводится экологическое просвещение работников. В «Малошуйкалес» проведен ряд мероприятий для экологического просвещения работников и разработаны определенные процедуры, позволяющие местным жителям защищать свои права (есть информационный щит и тетрадь для жалоб и предложений, но они не вызывают у жителей ни малейшего интереса).

Таким образом, ситуация в данном случае парадоксальна: в современных условиях бизнес, который в России обычно «защищается» от третьего сектора или (реже) идет на уступки под его давлением, здесь сам способствует его развитию. Это явление можно рассмотреть с позиции глобализации-локализации. Вся борьба третьего сектора с бизнесом в области экологии проходит в странах Запада (в ней принимают участие и крупные российские негосударственные организации, входящие в международные сети). Там уже достигнута определенная степень договоренности. Российский бизнес, также включенный в международные сети, переносит социальные практики западного бизнеса на локальный уровень и соблюдает определенные права местного населения, хотя местное население не только не борется за свои права, но даже не озабочено тем, что его права ущемляются.

Поселок Струги Красные (проект «Псковский модельный лес»)

Поселок Струги Красные расположен в 68 километрах от Пскова и 250 км от Санкт-Петербурга, население составляет около 6 тыс. человек. В Советский период регион поддерживал тесные экономические связи с Санкт-Петербургом, Москвой, Ригой. В период экономических реформ эти связи были подорваны, в области резко вырос уровень безработицы. В настоящее время на экономику Псковской области и района существенно влияет близость Латвии и других стран Балтийского региона. Многие виды бизнеса ориентированы на экспорт, в том числе лесной.

В области, а также и в Стругокрасненском районе начали работать международные лесные компании, поставляющие лес на европейский рынок, например ОАО «СТФ Струг» было создано в 1995 году. Оно является предприятием шведской компании «Стура Энса». В конце 1990-х годов ее дочерняя компания «Лот Энса», действующая в Карелии, была втянута в конфликт с российскими НГО и МЭНГО. В результате на европейском рынке

был объявлен бойкот ее продукции. Чтобы защитить свой рынок, «Стура Энса» была вынуждена выстраивать партнерские отношения с МЭНГО. С 2000 года на территории Стругокрасненского района стал развиваться проект WWF «Псковский модельный лес» в сотрудничестве с «СТФ Струг».

Главной целью проекта «Псковский модельный лес» является создание в России на землях Стругокрасненского лесхоза жизнеспособной лаборатории устойчивого лесопользования. Эксперимент по лесопользованию только частично заимствовал скандинавские технологии. В основном происходило внедрение многолетних разработок российских ученых, на основе которых вносились предложения по изменению лесного законодательства. На примере проекта WWF пытался выработать идеальную модель для дальнейшего распространения, поэтому формы работы с местным населением отрабатывались максимально полно. Проект стал моделью для проведения обучающих семинаров и тренингов для заинтересованных представителей государства и бизнеса.

WWF применял различные пути легитимации проекта в местном сообществе: они включали работу со СМИ; программу малых грантов для местных жителей; поддержку местных культурных традиций. В региональных и местных СМИ WWF публиковал пресс-релизы проекта, был создан веб-сайт, проводились передачи на телевидении и радио, шли постоянные сообщения по электронным рассылкам. Чтобы популяризировать проект, WWF организовывал пресс-туры для российских и финских журналистов. Эта практика оказалась успешной. Кроме этого WWF объявил конкурс среди российских журналистов на лучшую статью о проекте, наградой победителю служила поездка в Швецию. Эта деятельность помогла WWF распространить информацию о проекте и привлечь значительную часть общественности на свою сторону.

Для выстраивания отношений в местном сообществе WWF использовал программу малых грантов. С ее помощью он стимулировал поддержку проекта со стороны государственных структур. Работники лесхоза также получали малые гранты, поскольку лесхоз отвечает за все, что происходит на его территории, и все действия необходимо было координировать с ним. С помощью малых грантов были укреплены старые и созданы новые социальные связи, сети.

Проект активизировал общественное участие также через малые гранты. Впоследствии получатели малых грантов, местная интеллигенция, рассказывали с восторгом о сотрудничестве с проектом в местном сообществе. Малые гранты местным жителям выделялись, в основном, на исследования и развитие экологического образования, чтобы люди, реализуя свои идеи, одновременно работали на имидж проекта. Например, местная учительница получила грант на создание экологической тропы на территории модельного леса.

В Стругокрасненской сельской школе появилась программа компьютерного обучения, была расширена программа экологического образования, начала развиваться переработка отходов, был выпущен экологический календарь с рисунками детей. Кроме инновационных идей, WWF финансировал уже действующие экологические проекты. Например, он оплатил

питание детей и зарплату преподавателей в экологическом лагере, ежегодно проводимом Псковским областным эколого-биологическим центром.

Таким образом, сельская интеллигенция стала для WWF тем социальным слоем, через который новые «социальные представления» вошли в местное сообщество. Это характерно для всех местных сообществ, куда WWF приходит со своими проектами. Местная интеллигенция первая откликнулась на предложение реализовать свои идеи с помощью WWF и стала проводником идей проекта в местном сообществе.

Поскольку WWF был заинтересован в том, чтобы модельный лес органично вписался в местное сообщество, он принимал активное участие в мероприятиях, связанных с культурными традициями местного населения. WWF финансировал строительство православной часовни, праздник Масленицы, проведение школьного выпускного вечера, проведение в Стругах Красных футбольного матча с участием команды «Зенит». При этом на всех мероприятиях использовался логотип WWF – панда. Такая деятельность способствовала росту популярности WWF в местном сообществе и в то же время являлась хорошей возможностью для распространения идей проекта.

К работе проекта были привлечены сотрудники районных и региональных природоохранных структур, что также помогло проекту получить поддержку местного сообщества. Для инициации общественного участия, включения общественности как полноправного лесопользователя в управление лесами был создан «Лесной клуб WWF». Основной его задачей была организация диалога между представителями всех заинтересованных лиц и структур. Каждые три месяца в нем проводились собрания, на которые приглашались представители «СТФ Струг», лесхозов, администраций, министерств, научных институтов, сотрудники проекта, активисты из числа местного населения и молодежи. В «Лесном клубе WWF» лесопользователи могли обсуждать наболевшие вопросы и высказывать мнения, которые фиксировались и учитывались теми, кому они были адресованы.

Большинство сотрудников проекта «Псковский модельный лес» поначалу скептически относились к возможности общественного участия в условиях России и не были уверены, что проекту необходимо этим заниматься. Но, несмотря на скептическое отношение исполнителей, мероприятия по инициации общественного участия проводились, поскольку это было требованием FSC. Таким образом, WWF осуществлял в России «интервенцию» по развитию гражданского общества.

До «интервенции» WWF общественность поселка Струги Красные не имела навыка общественного участия и защиты своих прав, поэтому «Лесной клуб WWF» служил полигоном для развития демократических инструментов. Пожелания местных жителей, выработанные в результате дискуссий, в определенной степени учитывались в процессе принятия решений, что усилило потенциал общественного участия в долгосрочной политике управления лесами и местными природными ресурсами.

Для оптимизации процесса принятия решений по управлению проектом был использован следующий метод. Эксперты разрабатывали несколько сценариев управления лесами, каждый из которых содержал экономические,

экологические и социальные факторы в различных пропорциях. Потом эти сценарии предоставлялись на рассмотрение всех групп лесопользователей, чтобы решить, какой сценарий наиболее приемлем для всех. В 2003 году в проекте использовался механизм общественных слушаний. Он был применен при рассмотрении и утверждении сценария ведения лесного хозяйства на территории Стругокрасненского района на 100 лет. Было предложено восемь сценариев, из которых при помощи специалистов местным сообществом был выбран наилучший.

Заключение

Исследованные частные случаи показали, что нет однозначной связи между вовлеченностью различных акторов в процесс добровольной лесной сертификации и ее социальными последствиями. В таблице показано влияние акторов на местное сообщество в исследуемых частных случаях.

Таблица: Вовлеченность акторов в процесс добровольной лесной сертификации

	<i>«Даммерс» и «Двинской ЛПХ»</i>	<i>«Малошуйкалес»</i>	<i>«СТФ Струг» (проект «Псковский модельный лес»)</i>
<i>Западный потребитель российского леса</i>	высокая	высокая	высокая
<i>WWF</i>	низкая	низкая	высокая
<i>Центры по добровольной лесной сертификации</i>	низкая	высокая	нет
<i>Гринпис</i>	высокая	высокая	нет интереса к этому региону, но повлиял на решение «Стура Энсо» сертифицировать свои предприятия
<i>Государственные лесоохранные структуры</i>	нет	низкая	средняя
<i>Структуры бизнеса</i>	высокая	высокая	высокая
<i>Общественность</i>	нет	нет	высокая
<i>Местное сообщество</i>	низкая	высокая	высокая

Наши исследования показали, что на местное сообщество оказывает влияние некий глобальный «воображаемый» актор – европейский потребитель российского леса и товаров, произведенных из него. Этот актор находится за пределами России. Представления о нем сконструированы МЭНГО и широко используются для манипуляции и продвижения международных экологических и социальных стандартов. Как мы видим из таблицы, во всех трех случаях влияние европейского экологизированного потребителя на практики бизнеса и местного сообщества высоко. Так бойкот «Стура Энсо» потребителями повлиял на ее решение о партнерстве с WWF в проекте «Псковский модельный лес». Решения хозяев «Двинской ЛПХ» и «Малошуйкалес» об их сертификации также были связаны с поставками на европейский экологически чувствительный рынок.

Наиболее значимыми акторами, продвигающими сертификацию, являются МЭНГО, штаб-квартиры которых расположены за пределами России. Их деятельность в России развивают российские сетевые НГО, что усиливает потенциал региональных и местных НГО. Сети МЭНГО играют важную роль в изменении российской социально-экологической политики и оказывают влияние на социальные отношения в тех местных сообществах, на которые направлено их воздействие. Кроме того, МЭНГО побуждают бизнес изменять практики лесопользования и прибегать к сертификации.

Все представленные в статье случаи подтверждают большое значение международных экологических организаций. Поскольку стратегия WWF сочетает охрану лесов, устойчивое лесопользование и развитие местных сообществ, в проекте «Псковский модельный лес» он старается построить идеальную социально-экологическую модель. В случае проекта влияние МЭНГО на местное сообщество было максимальным. В местном сообществе WWF действовал с помощью удачно выбранных тактик выстраивания отношений. Легитимация проектов осуществлялась через вовлечение местной интеллигенции (педагоги, библиотекари, работники культуры), поскольку интеллигенция пользуется авторитетом в местных сообществах. Стимулирование шло через малые фанты. Это дало возможность, с одной стороны, интеллигенции реализовать свои проекты, направленные на местное сообщество, а с другой – вовлечь общественность в проект WWF по сертификации.

В случае с «Малошуйкалес» WWF не принимал непосредственного участия в сертификации, поскольку делегировал свои полномочия созданному им региональному Центру по добровольной лесной сертификации, который также является НГО. В сертификации «Даммерс» и «Двинской ЛПХ» практически не принимали участия никакие НГО, за исключением относительного участия Гринпис, который заключил мораторий на рубки в старовозрастных лесах. Ни WWF, ни сертификационные центры с этими предприятиями не работали, и внимания выстраиванию их отношений в местном сообществе не уделяли. Этим, на наш взгляд, объясняется почти полное отсутствие положительного влияния сертификации на местное сообщество.

Государство является неперенным актором сертификации как собственник лесов. К тому же именно государство устанавливает законодательные нормы и контролирует лесные отношения. Однако степень влияния этого актора на сертификацию и местное сообщество различалась в каждом частном случае. Поскольку при сертификации менялись некоторые нормы ведения лесного хозяйства, их необходимо было согласовывать на местном и региональном уровнях.

В тех случаях, где местные лесоохранные структуры (лесхозы) были вовлечены в процесс сертификации, она проходила более успешно и менее болезненно для предприятий (они меньше платили штрафов). Так при сертификации «Малошуйкалес» и «СТФ Струг» лесхозы вовлекались в процесс сертификации, что стало фактором успеха в этих случаях. Наоборот, в случае «Даммерс» и «Двинской ЛПХ» лесхоз не был вовлечен в процесс сертификации и находился в оппозиции, поэтому эти предприятия постоянно испытывали

сложности во взаимодействии с государственными лесоохранными структурами.

Третьим основным актором являются бизнес-структуры. Во всех описанных случаях вовлеченность структур бизнеса в сертификацию была высокой. При этом в каждом случае бизнес-структуры по-разному повлияли на местное сообщество. В случае с «Малошуйкалес» предприятию пришлось выполнять некоторые функции третьего сектора (инициирование местных гражданских инициатив, социальная защита работников предприятия, долгосрочная социальная программа для местного сообщества). В условиях неразвитости гражданских институтов предприятие было вынуждено выполнять эти функции, чтобы соответствовать требованиям сертификации, поскольку НГО, которые могли бы это сделать, в местном сообществе отсутствовали. При этом развитие гражданских инициатив не имело особого успеха и было формальным.

В случае с «Двинской ЛПХ» существенного положительного влияния на местное сообщество не наблюдалось. Наоборот, несмотря на сертификацию продолжались трудовые конфликты, и не было выработано социальной программы для местного сообщества. В «Псковском модельном лесе» компания «СТФ Струг» была партнером проекта. Она оказалась участницей межсекторного диалога, организованного WWF. Представителям компании пришлось участвовать в публичных дискуссиях, организованных в местном сообществе, и согласовывать с местным населением свои действия, которые затрагивали интересы местного сообщества.

Наконец, последний актор сертификации – общественность и местное население. Реальное общественное участие как результат сертификации наблюдался только в случае сертификации «СТФ Струг», где международные экологические организации в ходе проекта «Псковский модельный лес» вкладывали в местные сообщества значительные финансовые средства и применяли отработанные методики работы с общественностью. Благодаря проекту возник «Лесной клуб WWF», ставший местом проведения межсекторного диалога, была разработана и внедрена процедура общественных слушаний, то есть межсекторный диалог принял институциональные формы. В результате в местном сообществе были выстроены новые связи, увязывающие интересы жителей с интересами НГО, бизнеса и власти.

Местное сообщество оказалось объектом воздействия первых трех акторов и в какой-то мере объектом длительного (100 лет) социального эксперимента. При этом, как мы видели при описании случаев, оно получило определенные социальные и гражданские выгоды. Тем не менее долгосрочный эффект на местные сообщества от воздействия сертификации как глобального процесса нам пока не ясен. Мы можем только делать предположения. Конечно, существует риск того, что когда поддержка местных гражданских инициатив, в том числе финансовая, со стороны МЭНГО закончится, активность этих инициатив прекратится. Это вполне вероятно, так как материальные ресурсы международных экологических организаций для успеха проектов были очень важны.

С другой стороны, социальные институты имели тенденцию существовать независимо от денежной поддержки, благодаря укоренившимся «социальным представлениям». Это подтверждается некоторыми примерами из случаев с «Малошуйкалес», «Даммерс» и «Двинской ЛПХ», когда процесс сертификации вызывал социальные эффекты сам по себе, без участия МЭНГО. Поэтому, в принципе, сертификация сама по себе может стимулировать общественную активность в местных сообществах.

Наше исследование показало, что западные «социальные представления» («гражданское общество», «демократические институты», «старо возрастные (девственные) леса», «биоразнообразие» и др.), о которых мы говорили ранее, наложились на российскую специфику и местный контекст. Один из наиболее неожиданных выводов состоит в том, что наиболее успешное продвижение западных «социальных представлений» происходило в том случае, когда оно накладывалось на «социальные представления», существовавшие в советское время. Например, представление, что поселкообразующее лесное предприятие ответственно за социальную сферу лесного поселка, существует в местных сообществах до настоящего времени. Оно совпало с социальными стандартами FSC.

В результате внедрение этих стандартов воспринималось местным сообществом как должное. Другой пример, экологические инициативы учителей, культурных работ пиков, библиотечкарей в рамках внеклассной работы существуют еще с советских времен. Для них не важен финансовый источник, поэтому, когда стали поддерживать такие инициативы и связывать их с проектом, местная интеллигенция легко усвоила новые «социальные представления», связанные с западными демократическими ценностями. Понятие «сохранение биоразнообразия» вполне совпадает с давно известным понятием «охрана природы», поэтому местные экологические инициативы быстро приняли новый термин.

Таким образом, новые социальные институты, создаваемые новыми «социальными представлениями», возникали не на пустом месте. В связи с сертификацией происходило возрождение хорошо узнаваемых советских «социальных представлений», но они появлялись в новых сочетаниях. Мы считаем, что «социальные представления», базирующиеся на сочетании предшествующей и современной идеологии, наиболее живучи. Таким образом, они могут постепенно институционализироваться и существенно изменить жизнь в местных сообществах.

Говорить о долгосрочном эффекте влияния сертификации на социальные процессы местных сообществ пока рано. В статье мы выдвигали предположение, что сертификация будет иметь долгосрочный эффект и этому будут способствовать новые «социальные представления». Они, появляясь в сознании людей, влияют на социальные практики в направлении институционализации и рутинизации.

В описанных грех случаях сертификация принесла с собой ключевые элементы западных «социальных представлений» развитой рыночной экономики, и в случае проекта «Псковский модельный лес» привела к практикам общественного участия и межсекторного диалога, то есть формам

гражданского общества. Внедрение новых «социальных представлений» привело к вовлечению в новые социальные процессы наиболее активных членов местного сообщества.

Социальная политика на местном уровне в наших трех случаях преобразована с помощью механизма международной системы сертификации, продвигаемой международными экологическими НГО. В процессе общественных слушаний при поддержке специалистов рождается межсекторальный договор, где учтены интересы природопользователей. Этот договор привязывается к существующему законодательству (легитимируется) и превращается в долгосрочный план социоприродного развития.

Получается, что на локальном уровне социальная политика посредством межсекторального договора и плана развития влияет на положение всех социальных групп, смягчает социальное неравенство, создает условия, где каждый повышает свой социальный статус в соответствии с желаемым. Поэтому можно утверждать, что локализация глобальных практик устойчивого лесопользования и лесосоуправления выводит мир из состояния асимметрии и делает его более устойчивым.

Список литературы

- Каракчеев А. Речь первого заместителя главы Республики Коми // Лесная сертификация и устойчивое управление лесами на Европейском Севере России. Сыктывкар. 2-4 февраля 2002. С. 64-74.
- Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теории и практики. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2004.
- Кулясова А.А., Пчёлкина С.С. Преломление глобальных процессов в конкретной локальности (на примере пос. Малошуйка Архангельской области) // Спектр: Экология в Северо-западном регионе России. № 4. СПб.: ТЭИА, 2004.
- Рапирович Н. Лесной клуб – это интересно! // Лесной вестник Отделения WWF в г. Сыктывкаре. Сыктывкар, 2001. Вып. 2.
- Романюк Б.Д., Чернова Е.Б. Псковский модельный лес: Общественное участие в лесном планировании. М.: WWF, 2001.
- Семяшкина В.Т., Логинов А.В., Осипова Е.Е. Лес: кому решать его судьбу // Участие местного населения в управлении лесами. Сыктывкар, 2002.
- Старовозрастные леса: государственный подход: Бюллетень WWF. 2001. Август-сентябрь. № 4. С. 1.
- Тысячнюк М.С. Международные экологические общественные организации: акторы экологической модернизации в лесном секторе России // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. Ред. М. Тысячнюк, А. Кулясова, И. Кулясов, С. Пчелкина. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003а. С. 8-25.
- Тысячнюк М.С. Деятельность WWF по созданию модельных лесов в России // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. Ред. М. Тысячнюк, А. Кулясова, И. Кулясов, С. Пчелкина. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003б. С. 25-72.

Bridget J. Lutoff A., Krannich R. Community Change and Community Theory // Persistence and Change in Rural Communities / A. Lutoff, R. Krannich (Eds). CAB International. 2002.

Castonadis C. The Imagery Institution of Society. Cambridge, MA; MIT Press, 1987.

Cashor B., Auld G., Newson D. Governing Through Markets: Forest Certification and the Emergence of Non-state Authority. New Heaven: Yale University Press. 2004.

Cashor B. Legitimacy and the privatization of environmental governance: how non state market-driven governance systems gain rule making authority // Governance Journal. 2002. № 15. October.

Gaonkar D. Toward New Imageries: An Introduction // Public Culture. 2002. № 14. P. 1-19.

Meidinger E. Forest Certification as Environmental Law Making by Global Civil Society // E. Meidinger, Ch. Elliot, G. Oesten (Eds). Social and Political Dimensions of Forest Certification. Remagen-Oberwinter: Verlag Dr. Norbert Kessel. 2003a.

Meidinger E. Forest Certification as a Global Civil Society Regulatory Institution // E. Meidinger, Ch. Elliot, G. Oesten (Eds). Social and Political Dimensions of Forest Certification. Remagen-Oberwinter: Verlag Dr. Norbert Kessel. 2003b.

Platteau J-Ph., Abraham A. Participatory Development in the Presence of Endogenous Community Imperfections // Journal of Development Studies. 2002. № 39. P. 104-136.

O'Rourke D. Outsourcing Regulation: Analyzing Nongovernmental Systems of Labor Standards and Monitoring // The Policy Studies Journal. 2003. Vol. 31. No. 1. P. 1-29.

O'Rourke D., Macey G. Community Environmental Policing: Assessing New Strategies of Public Participation in Environmental Regulation // Journal of Policy Analysis and Management. 2003. Vol. 22. No. 3. P. 383-414.

Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. Durham, NC: Duke University Press, 2004.

Warren R. The Community in America. Chicago: Rand McNally, 1978. P. 417-418.

Wilkinson K. The Community in Rural America. Westport, CT: Greenwood Press, 1991.

Wapner P.K. Environmental Activism and World Civic Politics. Albany; New York: SUNY Press, 1996.

* *Ключевые слова:* социальная политика, местные сообщества, добровольная лесная сертификация по системе FSC.